

по следам громких дел

ГОТИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

С79 **Степанова, Татьяна Юрьевна.**
Готическая коллекция : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-103822-9

Странный отпуск получился у сотрудницы пресс-центра УВД Кати Петровской. Вместе с мужем Вадимом Кравченко и их другом Сергеем Мещерским они приехали на прибалтийский курорт и в первый же день стали свидетелями свирепого и загадочного убийства. Этим дело не ограничилось — через несколько дней нашли мертвой девочку-подростка. Как выяснила Катя, такие «происшествия» с юными девушками здесь не в новинку. Но убийца, словно призрак, не оставляет никаких улик. А тут еще местные легенды о Водяном, мстящем людям, его мокрые следы регулярно обнаруживают на полу церкви. Сразу трое — Катя, Мещерский и местная жительница Марта — вычислили убийцу. Только Мещерский в момент озарения был на рыбалке в море, а Катя и Марта оказались лицом к лицу с обезумевшим маньяком...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103822-9

Пролог

Бывает так: спишь и видишь сон, что спишь. И видишь сон о том месте, где суша граничит с морем. Где гряда песчаных дюн кончается у самой воды. Неподвижная, мертвая луна цепляется за кроны сосен, чертит на волнах дорогу, прямую и четкую, как след мела на классной доске, касается тусклым лучом стен старой церкви за круглым прудом, затянутым ряской. И тонет в наплывающих тучах.

Ветер гонит волну за волной в заливе и, словно клавиши фисгармонии, перебирает колокола на колокольне. Но они молчат. Ветер крепчает и приводит с собой прилив. Вода прибывает и, кажется, вот-вот разрушит единственную преграду — узкую полосу песка, именуемую Косой, защищающую от холодных волн церковь, пруд, старое, заросшее бузиной и боярышником кладбище и тропинку-змеяку, уводящую в дюны.

Но постепенно ветер стихает, и все затихает вместе с ним — море, песок, луна. Серебряная полоса на воде снова выглядит четкой и прямой, словно указывает путь — из моря на сушу к старому пруду, похожему на потерянное в камышах зеркало. Лунные блики мерцают на черной, пахнувшей илом воде. Но вот раздается громкий всплеск, точно крупная рыба ударяет хвостом. И снова все тихо. Легко плескаются небольшие волны у топкого берега, расходятся кругами от середины пруда, качают в камышах темной заводи мертвое тело, разбухшее и безобразное, объединенное рыбой и раками, мало уже похожее на человеческую плоть, больше на гнилую колоду, источенную червями.

И вот новый всплеск. В лунном свете что-то мель-

кает. Лунные блики. Или блеснула чешуя крупной прожорливой рыбы. А потом — руки (или это сон?), мощные сильные руки пловца, рассекающего гладь воды, подобно торпедe. И снова всплеск. И блеск чешуи. Брызги и круги по воде. Как будто только что кто-то нырнул на самое дно — рыба, пловец?

И тишина снова смыкается над прудом. А потом ее разрывает тяжелый утробный гул мотора. На откос дюны из темноты выползает ржавый танк с бело-черным крестом, намалеванным на башне. Гусеницы взрывают песок, лязгают. Танк останавливается у самой воды. Мотор ревет, словно преодолевает препятствие, и гусеницы лязгают вхолостую. Но ничего не отражается в черной воде — ни угловатый силуэт бронированной башни, ни черно-белый крест, ни пушка, ни с грохотом откинута крышка люка. Ничего. Гул мотора стихает, и танк, как мираж, начинает медленно таять, рассыпаясь в лунном свете. И вот на его месте лишь облако пепельного тумана. Самого обычного тумана, окутывающего и дюны, и залив в предрассветный час. Хотя обычный туман вряд ли увидишь во сне. Когда спишь и так ясно, так мучительно ясно понимаешь, что ты спишь и видишь сон, что спишь...

Человек, раскинувшийся на смятой постели, заворочался, застонал, повернулся на бок, протянул руку и пошарил на подоконнике у изголовья кровати, ища часы. Окно в комнате было открыто настежь, и ветер вздувал белые занавески, как паруса. Где-то в темноте над кроватью тонко гудел комар. Человек сел на постели. Отодвинул занавеску — над заливом клубился серый туман. Мутные клочья скрывали полосу берега, сосновую рощу, кладбище. Из тумана выступал лишь силуэт церковной колокольни. Доносилось звонкое кваканье лягушек. А потом послышался всплеск, точно кто-то с силой ударил по воде хвостом или лопастью весла. И лягушки испуганно смолкли.

Человек быстро потянул на себя створки окна, хлопнул их, защелкнул шпингалет. И плотно задвинул занавески.

Глава 1

ПРИБЫТИЕ

Никому нельзя верить. В наше время легче потерять веру, чем телефонную карточку. Катя — Екатерина Сергеевна Петровская, в замужестве Кравченко — убедилась в этом на собственном горьком опыте. Нет, никому нельзя верить!

Даже мужу. Но все по порядку. Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне Драгоценным В.А., клятвенно обещал еще 31 декабря: будущий отпуск проведем вместе у моря. Наступил июль, и муж как отрезал: бери отпуск, айда. И Катя сломя голову кинулась по начальству подписывать разные служебные бумаги, потому что попробуйте иначе уйти в отпуск в разгаре лета в таком строгом госучреждении, как ГУВД Московской области, где весь личный состав на учете и всегда под ружьем на каком-нибудь очередном усилении. И пока она оформляла и подписывала бумаги (а на это ушло немало времени), муж вел себя весьма загадочно. Привозил домой какие-то странные громоздкие баулы, коробки. А однажды вечером объявил, что авиабилеты уже взяты на восемнадцатое июля. Катя обрадовалась, однако на все ее вопросы, куда, собственно, летим — в Сочи, в Ялту или, может, в солнечную Албену или в прикольный Дубровник — Драгоценный В.А. таинственно отмалчивался, веско обещая некий сюрприз.

И сюрприз состоялся. Да такой, что у Кати ноги подкосились, когда в Шереметьеве объявили регистрацию на рейс Москва — Калининград и Кравченко, подхватив впавшую в ступор подругу жизни, баулы, чемоданы и прочий громоздкий багаж, повлек все

это с песней к регистрационной стойке. Уже в самолете, когда убрали трап и просто невозможно было покинуть борт «Ила», не сломав себе ноги, Катя узнала, что вместе с Драгоценным примерно через полтора-два часа совершит посадку в этом самом Калининграде. И в аэропорту их встретит друг детства Кравченко Сергей Мещерский, и оттуда опять же с песней они на машине поедут в сторону Светлогорска и еще дальше, дальше, на Куршскую косу, на побережье студеного, хмурого, серого, жуткого, мрачного, дождливого, чухонского Балтийского моря. Где и проведут «потрясные» — Кравченко даже присвистнул от удовольствия, произнося это кощунственное слово, — две недели среди воды, сосен, песка и бодрящего северного ветра.

— Мы с Серегой еще месяц назад потихоньку начали готовиться, — сообщил Кравченко, пристально наблюдая за выражением Катиного лица. — Он обещает мировую рыбалку. Там даже катер есть.

Самолет вырулил на взлетную полосу. Разбег, отрыв и...

— Что в сумках? — спросила Катя, когда они набрали высоту.

— Так, мелочи. Серега просил кое-что подобрать — кое-какая аппаратура для дайвинга: акваланги, потом снасти, прикормка для рыбы.

— Удочки? — медленно спросила Катя, следя глазами за стюардессой, появившейся в проходе с тележкой, уставленной напитками.

— Ну да, вроде. — Кравченко снова внимательно посмотрел на жену. — Ты что будешь пить — сок, минералку?

— А динамита нет? — с надеждой спросила Катя.

— Чего?

— Динамита, чтобы рыбу глушить?

Кравченко с любопытством повернулся.

— Если есть, — продолжала Катя, — лучше сразу отдай — я все равно на эту косу умру — не поеду. Станем жертвами авиакатастрофы.

— Что желаете? — спросила подъехавшая со своей тележкой стюардесса.

— Белого вина и красного тоже, будьте добры, — Катя сумрачно кивнула на маленькие пластиковые бутылки. Забрала их у стюардессы, минуя алчно протянутую руку Драгоценного В.А. — Это все мне. А мужу, пожалуйста, если есть, боржоми.

Кравченко ненавидел боржоми с детства, когда по причине частых ангин его поили этой целебной бурдой пополам с отвратительно горячим молоком.

Катя протерла салфеткой пластиковый стаканчик и налила себе белого вина. Выпила. Кравченко взвешивал на руке бутылку боржоми. Не решался.

— Ну, мягкой посадки, — Катя чокнулась с этой его бутылкой вторым стаканом уже красного вина. — Радуйся, мерзавец, что нет динамита.

— И совсем не остроумно. Плоско, — буркнул Кравченко. — Хотел же как лучше. Сюрприз тебе. Мы с Серегой головы ломали, как бы классно отдохнуть, без напряжения. Ну, потом он и подыскал вариант. Это ж русская Прибалтика, почти заповедные места. Понимать надо. Тишина, дюны, прибор. Рыбалка, катер — ах да, это я уже говорил...

— А где мы будем жить? — прошипела Катя. — Нору, что ли, вырою в твоей дюне под сосной, как кролики? Или... только не пугай меня, ты что — палатку купил?

— Да нет, Серега все устроил, не волнуйся. Я вообще-то точно не знаю, но... У них там свой туристический маршрут.

— Акваланги-то зачем?

— Как?! За янтарем нырять!

— А ты разве когда-нибудь занимался дайвингом?

— А чего им заниматься? — Кравченко без всяких усилий пальцами скovyрнул пробку с бутылки. — Плевое дело. Нырнул и дыши.

— Ну а я-то что там буду делать? — уже капитулируя, спросила Катя. — Вы по целым дням рыбу будете ловить, а я?

— А ты выйдешь с нами в море, наловишь трески и

килек. Эх, шаланды, полные кефали... Да загорать ты будешь круглые сутки, на пляже коптиться, купаться. Самый сезон в разгаре. Жара!

Катя с тоской вспомнила курортный кошмар детства — Юрмалу, Палангу, Дзинтари, Мерейрано, куда любили ездить родители. И везде, по всему Балтийскому побережью от Литвы до Эстонии, когда ни приедешь летом — ветер, комары, изморось с неба и сырость, пробиравшая до костей. И море — холодное и мелкое на два километра от берега, воробью утопиться. Где это они там собрались нырять с аквалангом?

— Я вас просто убью, — пообещала она, снова впадая в трагический тон, — вот только приземлимся, прямо там сразу в аэропорту и прикончу и тебя и Мещерского. Я знаю, чья это идея! Кто тебя подбил на эту авантюру. Ведь мы же собирались на Красное море!

— В январе, счастье мое. — Кравченко поудобнее устроился в кресле и мечтательно прикрыл глаза. — И вообще, я не узнаю тебя. Неужели тебе не интересно увидеть трофейный Кенигсберг?

Катя налила себе остатки вина. Лучше напиток сразу в самолете, тогда проще будет воевать с ними на земле. С этими предателями и обманщиками. Мысленно она перебрала весь багаж, ища предмет поуверситетнее, потяжелее, каким легко и с пользой можно было огреть и Драгоценного, и его закадычного дружка по их лживым пустым головам. И тут же с ужасом вспомнила, что не взяла ни зонта, ни дождевика. И из теплых вещей не взяла почти ничего — джинсы и свитер.

«Ну и хорошо, ну и пусть. Пусть я там замерзну, в сосульку превращусь, пусть заболею, пусть умру», — подумала она, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло от смеси красного и белого сухого.

Сели ювелирно и мягко. Похлопали командиру корабля за то, что довез, не угробил. Было 11 часов 20 минут. Над Калининградом сияло ослепительное солнце. Термометр на фасаде здания аэропорта показывал двадцать восемь градусов в тени.

Мещерский встретил их в зале прилета в пляжных

бермудах и белой футболке с гигантским иероглифом на спине.

— Вадим, Катюша, я здесь! Оставь, оставь сумку, тяжелая. Я сам, — он вертелся как маленький смерч и... И Катя выпустила из рук ремешок дорожной сумки, которым примерялась, как бы половчее огреть обоих этих врунов, когда отвернется аэропортовский охранник. Мещерский схватил сумку и звонко, пылко чмокнул Катю в щеку. Он был небрит, но свеж, радостен и улыбчив, как ребенок.

— Ни на секунду не опоздал самолет. А я думал... — Кравченко с достоинством приветствовал друга крепким рукопожатием.

— Что, были какие-то проблемы с самолетом? — встревожился Мещерский.

— Да нет... Правда, кое-кто интересовался, не везем ли мы динамит, рыбу глушить.

— Что? — Мещерский едва не уронил баул. — На таможне, что ли, цеплялись?

— Не слушай его, Сережечка, — вздохнула Катя, — лживый прохиндей, не слушай его.

— Расстраивается, — сообщил другу Кравченко, — еще никак не свыкнется с мыслью, что попала сюда.

— Надо было заранее подготовить. Я же тебя предупредил, — виновато и воровато (как показалось Кате) шепнул Мещерский.

— Тогда бы фиг вырвались. Арриведерчи и рыбка, и катер... Ну, давай, командуй. Где тачка? Куда вещи грузить?

На стоянке аэропорта их ждала машина. Маленький такой джип. Оказалось, что и не джип вовсе, а какой-то там корейский «Спортаж». Мещерский заявил, что это машина сотрудника их фирмы «Столичный географический клуб», имеющей на Куршской косе свои «пункты приема и размещения туристов». Катя забралась в машину. Ей было уже все равно. От смеси белого и красного, от мягкой посадки, двадцати восьми градусов по Цельсию ее клонило в сладкую дрему. Ей было даже не любопытно, как такое количе-

ство вещей поместится в багажник этого «Спортажа». И как втиснется в него почти двухметровый Кравченко. Но все как-то рассосалось. Часть баулов приторочили на верхний багажник. Кравченко тоже сложился пополам.

Мещерский бодро юркнул за руль, завел мотор. Эта машинка была точно скроена по его маленькой фигурке. За рулем этого игрушечного джипа он чувствовал себя крутым. Это было видно по его довольному лицу. «Ой, жулики несчастные», — подумала Катя и погрузилась, точно в мягкую перину, в дремоту. А когда открыла глаза, первое, что увидела, — синий дорожный указатель «Советский проспект, на Светлогорск».

— Проспала, дорогуша, весь Калининград, — сообщил Кравченко.

Катя повернулась к окну. Посмотрела на сияющее небо. Странно, а где же дождь? Балтика ведь, а дождя ни капли.

— Обещают чудесную погоду, — вещал Мещерский, искоса поглядывая на Катю. — Прогнозы точные. И береговая служба тоже... Ни одного красного вымпела. Море как блюдце. Только вот солярккой для моторки надо загодя запастись, а то в пик сезона там нарваться можно на...

— Там — это где? — спросила Катя.

— Там, куда мы едем, — вместо Мещерского ответил Кравченко. — Сюрприз, радость моя, все еще продолжается.

Шоссе повернуло на северо-запад. Мелькали поселки, поля, а затем началось что-то вроде тенистой старой аллеи — деревья стояли вдоль шоссе, как солдаты на параде. И вдруг на горизонте всплыла округлая вершина, нависла над окрестными холмами зеленой шапкой — гора, заросшая хвойным лесом.

— Гильтгарбен, — указал в ее сторону Мещерский. — Местная гора сказок. По легенде, там, на вершине, было последнее капище древних пруссов. А священный дуб, росший там, по преданию, срубил сам святой

Адальберт, за что пруссы-язычники предали его мучительной казни. Правда, насчет места казни, указывают еще и мыс Пиллау, недалеко от Балтийска. Но многие считают, что святого убили именно здесь, на горе Гильтгарбен. Темное место... Его в старину почитали не меньше, чем знаменитый Брокен.

Катя смотрела на заросшие лесом склоны «зеленой шапки». И чувствовала, что от ее полудремы, лени, усталости, равнодушия и раздражения не остается и следа.

— Кто этот Адальберт? — спросила она.

— Креститель пруссов, местный мученик, весьма почитаемый в прошлом. Между прочим, там у нас в Морском его церковь.

Так Катя впервые услышала название места, куда они направлялись, — Морское. Позже Мещерский назвал и старое немецкое его имя — Пилькоппен.

Дорога снова повернула и вновь озадачила их: указатель сообщил, что до Светлогорска десять километров. По левую сторону от дороги Катя снова увидела холмы, поросшие редким лесом. Почва была светлой, песчаной, и деревья четко выделялись на фоне песка и ярко-синего неба. Старые ели караулили въезд в узкую тенистую ложину у подножия холмов. А дальше, у горизонта, поблескивала бирюзовая полоса. Катя не поверила своим глазам: цвет моря был совершенно не похож на тот, что она готовилась увидеть. Море было как на юге. Катя оглянулась на Кравченко. Тот хмыкнул. Весь вид его говорил — ну что? Убедилась?

Но в Светлогорске они не остановились. Мещерский сделал небольшой крюк и у развилки шоссе свернул в сторону Романова.

— Вот примерно отсюда и начинается коса, — сказал он. — И поверь мне, Катюша, ты не пожалеешь, что приехала сюда.

Слева были сосновые леса и синева моря. В небе — чайки. Вдоль дороги крутые склоны дюн. И маленькие рыбацкие поселки, состоящие из приземистых, непохожих на наши домов с остроконечными черепичными крышами. Они были похожи на пряничные избуш-

ки из немецкой сказки, а вблизи оказались облупленными, тронутыми штормами и непогодой.

А потом и справа заблестела вода. Мещерский сказал, что это залив. И снова резко и зло кричали чайки, дерущиеся за рыбу. И шоссе, залитое солнцем, было почти пустым, дачным. Редко-редко навстречу попадался грузовик или подержанная, но все еще шустрая иномарка.

— Маяк. — Мещерский кивком указал налево, в сторону моря. Катя увидела башню, похожую на черную шахматную ладью. Шоссе утонуло в густом сосновом лесу, и за темно-зелеными кронами стало не видно ни маяка, ни моря, ни залива. Только чайки кружили высоко в небе. Мещерский, точно заправский гид, рассказывал, что это очень старая почтовая дорога, что вот слева развалины знаменитой некогда орнитологической станции Гиннеманна. Что лес, подступающий к самому морю, — это отроги знаменитого заповедного леса. Что вообще коса — это такое место, которое надо открывать для себя постепенно, шаг за шагом, потому что никогда не известно, что ждет тебя здесь за поворотом, какой вид.

— Катька, смотри! — присвистнул Кравченко от удивления. И Катя увидела издали Высокую Дюну (так ее назвал Мещерский) — огромный конический холм из золотистого песка, словно вырастающий из морской глади. А потом сосны плотно сомкнулись, замелькали как частокол и вдруг снова разошлись как по команде в разные стороны, зеленый луг и церковь над круглым, как зеркало, прудом, заросшим ряской, затененным старыми ветлами, склонившимися к самой воде.

— Почти приехали, сейчас поворот на Морское, и мы дома. — Мещерский сбавил скорость. — Тут напрямик через кладбище и дюны совсем близко, рукой подать.

— А где тут кладбище? — спросил Кравченко, закуривая в окно.

— Да вот же оно. Старое, немецкое, — Мещерский кивнул на луг, на ветлы, липы и кусты бузины. —

Здесь все с войны заброшено. А там, в ложбине у подножия дюны, говорят, «Тигр» подбитый раньше стоял и наша «тридцатьчетверка». Они друг друга прямым попаданием порешили, когда тут бои шли в сорок пятом. Песком их занесло. Здесь пески зыбучие, двигаются. Тут много техники раньше ржавело. Мне Базис рассказывал. Ну и не только... Тут вообще много чего в песке можно было найти.

— Что, например? Подбитый «мессер» или фаустпатрон? — хмыкнул Кравченко. — Базис-то — это кто такой будет?

— Это наш Илья Медовников, к кому и везу вас. Он тут обосновался, прямо корнями врос. Они с женой Юлией все для туризма наладили, просто настоящий базис заложили. Его и прозвище тут такое. Он вообще славный. — Мещерский улыбнулся, словно кое-что вспоминая. — И руки у него золотые. У него тут ведь еще гараж-автомастерская. Ну, правда, слабости кое-какие есть. Но на нашем бизнесе это никак не отражается. За клиентов-отдыхающих они с женой прямо горой стоят. Сервис держат на уровне. Ну а насчет остального, насчет слабостей... Юлия, думаю, сама с этим благополучно справляется.

— Ты что-то плетешь, плетешь, дорогой, а я что-то ничего не понимаю. — Катя смотрела в сторону пруда и церкви. Они уже подъехали достаточно близко. И тут она что-то увидела.

В первый миг ей показалось, что это церковь, именно эта церковь подействовала на нее как удар током. Церковь, как и маяк над заливом, была похожа на шахматную ладью гигантских размеров. Только сложена она была не из грубого камня, как маяк, а из темно-красного кирпича. И лишена башенных зубцов, а вместо них увенчана высокой колокольней со шпилем без креста. Фасад рассекали высокие узкие окна. Пять окон на мощном кирпичном фасаде. И одно лепилось у самой крыши, у основания шпиля. И в этом окне, на высоте почти тридцати метров над землей, прудом и кладбищем Катя увидела человека.